

Гуськов Дмитрий Николаевич

ПОЛИТИКА "НОВОГО КУРСА" ФРАНКЛИНА ДЕЛАННО РУЗВЕЛЬТА В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

В работе рассмотрены первые и наиболее спорные меры борьбы с Великой депрессией в сфере денежного оборота и промышленности. Была осмыслена последовательная логика принимаемых решений в начале реализации "Нового курса" Франклина Рузвельта. Выявлены как положительные, так и отрицательные стороны мер, направленных на восстановление банковской и промышленной отрасли на первоначальном этапе политики "Нового курса".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. III. С. 43-46. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

SEMiotics OF "OPENNESS" IN ELECTRONIC COMMUNICATIONS OF UNIVERSITY

Guzhova Irina Viktorovna, Ph. D. in Philosophy
National Research Tomsk State University
ivgujova@mail.ru

The article studies the possibilities of representing the openness of the university in the communicative space of the Internet. Openness in all its connotative meanings is considered as one of the most important communication principles of modern information age. Using the "signs" of openness in the electronic communications of the university helps create an effective dialogue of the higher education establishment with e-community. Communication tools that can be used to translate the idea of the openness of the university on the platform of its Internet-presentation are described.

Key words and phrases: openness; Internet; electronic communications of university; semiotic approach; representation of openness.

УДК 340.15

Юридические науки

В работе рассмотрены первые и наиболее спорные меры борьбы с Великой депрессией в сфере денежного оборота и промышленности. Была осмыслена последовательная логика принимаемых решений в начале реализации «Нового курса» Франклина Рузвельта. Выявлены как положительные, так и отрицательные стороны мер, направленных на восстановление банковской и промышленной отрасли на первоначальном этапе политики «Нового курса».

Ключевые слова и фразы: Великая депрессия; банки; промышленность; Закон о восстановлении промышленности (НИРА); «Новый курс».

Гуськов Дмитрий Николаевич

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
gdn91@mail.ru

**ПОЛИТИКА «НОВОГО КУРСА» ФРАНКЛИНА ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТА
В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ[©]**

*Я клянусь вам, я даю клятву самому себе
повести новым курсом народ Америки.*

Ф. Д. Рузвельт

Великая депрессия явилась наглядным примером того, как процветающая экономика может быть неожиданно подвергнута краху. Однако до сих пор остаются не разработанными меры по эффективной профилактике экономического обвала. В связи с этим изучение «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта может помочь выявлению закономерностей развития экономического кризиса и учесть как положительный, так и отрицательный опыт борьбы с его проявлениями. В настоящей статье рассматриваются первые и наиболее дискуссионные законодательные решения, направленные на борьбу с Великой депрессией в сфере денежного обращения и промышленности США. Сложная экономическая ситуация, сложившаяся в стране, вынуждала руководство принимать срочные меры, которые послужили основой для дальнейших преобразований, направленных на стабилизацию экономики.

Первые шаги по воплощению в жизнь реформ Нового пути Рузвельта вызвали множество откликов и оценок, большая часть которых оказалась положительной. К сторонникам «Нового курса» Рузвельта можно отнести признанного лидера прогрессистской школы И. Бирда. В 1950-е гг. Шлезингером была опубликована фундаментальная трехтомная история «Нового курса», ставшая примером либерально-прогрессистской интерпретации рузвельтских преобразований [13]. В 30-е – 40-е гг. консервативную интерпретацию реформ развили Дж. Флин, Д. Лоуренс, Э. Робинсон, которые утверждали, что «Новый курс» Рузвельта подтачивал первоосновы индивидуализма и капитализма и не мог сколько-нибудь существенно помочь в выравнивании экономической ситуации. Подобную позицию можно встретить также в работах П. Конкина и Б. Бернштейна [7, с. 359].

Борьба с Великой депрессией затрагивала практически все сферы жизни общества. Проводились смелые, а в определенной части рискованные, мероприятия, которые были направлены на развитие общественных работ, поддержание цен, развитие сельского хозяйства, создание новых ипотечных рынков, сокращение продолжительности рабочего дня и рабочей недели, регулирование рынка ценных бумаг, восстановление международной торговли, увеличение площади лесов и отмена сухого закона [12, р. 1].

Либеральные историки, как правило, считают реформаторский курс Рузвельта третьей, после революций 1776-го и 1861-го гг., Американской революцией, которая преобразовала капиталистическое государство в общенародное. Консервативные авторы утверждают, что Рузвельт только упрочил фундаментальные первоосновы Америки. Марксисты, в том числе их последователи в Советском Союзе, признавали историческое значение «Нового курса», отводя ему при этом роль спасения капитализма от социалистической революции [7, с. 135].

В первую очередь, срочного принятия антикризисных мер требовала ситуация в промышленной и банковской сферах. Так, были сделаны попытки стабилизации денежной системы, что должно было стать фундаментом для последующих решений. В первые дни президентства Рузвельта был принят «Чрезвычайный закон о банках», объявлявший «банковские каникулы» [5, с. 8]. Закон временно приостанавливал все операции банков, входящих в Федеральную резервную систему США. К началу Великой депрессии насчитывалось около 14 тысяч банков, из которых почти 5 тысяч были федеральными, а остальные местными [Там же]. В радиообращении от 12 марта 1933 г. Рузвельт заявил, что «банковские каникулы во многих случаях создают большие неудобства, но вместе с тем дают возможность пополнить запасы наличных денег, как того требует ситуация. Помните, что ни один платежеспособный банк не стал ни на доллар беднее с тех пор, как на прошлой неделе были закрыты его двери» [Там же, с. 11]. Как сообщают Фридман и Шварц, более 5000 банков, работавших на момент объявления каникул, не открыли свои двери после их окончания, а 2000 из них закрылись навсегда [11].

Большинство обанкротившихся банков работали в тех штатах, где действовали законы о бесфилиальной системе, запрещавшие банкам открывать филиалы и тем самым диверсифицировать свои портфели и снижать риски. 16 июня 1933 г. Рузвельтом был подписан Закон Гласса-Стиголла, в котором вводилось страхование банковских вкладов – обязательное для национальных банков и добровольное для банков штатов. Для осуществления реформы была создана Федеральная корпорация страхования депозитов. Согласно закону вклады размером до 5000 долларов подлежали обязательному страхованию. Уже к началу 1934 г. 80% банков застраховали свои депозиты [7, с. 377]. Кроме того, некоторым наиболее жизнеспособным банкам предоставлялись государственные кредиты. Государственную поддержку получили почти 6 тысяч банков, из которых не смогли спастись 106, в связи с чем государство понесло ущерб в размере 13,6 миллионов долларов [9, р. 71]. Несмотря на указанные потери, многие банки были спасены.

Положительно о данной реформе высказывался В. В. Согрин, указывая, что банковские законы 1933 г. оказались настолько эффективны, что просуществовали без изменений и дополнений вплоть до 1956 г. Об укреплении надежности банков свидетельствуют следующие цифры: в период с 1921 по 1933 г. потери вкладчиков составляли 45 центов на каждые 100 долларов, а в последующие тридцать лет они сократились до 0,2 цента для той же суммы [7, с. 377-378].

Для дальнейшей удачной реализации «Нового курса» Рузвельта требовалась стабилизация денежной системы, в связи с чем федеральные финансы, государственные кредиты подкреплялись резервом золота и серебра [5, с. 15]. 5 апреля 1933 г. был издан Указ № 6102, в соответствии с которым у населения конфисковались личные запасы золота. В срок до 1 мая 1933 года все физические и юридические лица обязаны были обменять золото на бумажные деньги по цене 20,66 долларов за тройскую унцию в любом банке на территории США, имеющем право принимать золото. Нарушение новых распоряжений каралось штрафом в 10 тысяч долларов и десятью годами свободы [8, с. 111]. 18 апреля 1933 г. Рузвельт заявил об отказе от золотого стандарта, 3 июля 1933 г. подтвердил свое решение в послании Мировой экономической конференции, в январе 1934 г. издал прокламацию о девальвации доллара на 41%. Для американской экономики девальвация доллара сыграла роль «временной панацеи», приостановившей падение цен и давшей Рузвельту время для выработки более действенных мер по подъему экономики [10, р. 101]. После принятия данной меры были облегчены условия выплаты накопившихся долгов фермеров, предпринимателей, повысилась конкурентоспособность подешевевших товаров. С критикой валютных экспериментов выступал А. А. Кредер, указывая, что они были предприняты правительством Рузвельта и не достигли той цели, которую преследовали – существенного повышения цен. Но главным итогом стало установление государственного контроля над сферой денежного обращения, который тогда рассматривался лишь как средство осуществления этих экспериментов, а не их цель [3, с. 42].

Многие историки среди причин экономического кризиса видели главную причину в биржевых спекуляциях, к таким относились в том числе современники Рузвельта, да и сам Рузвельт, возможно, осознавал это. В июне 1934 г. был принят Закон «О торговле ценными бумагами», согласно которому государство в лице специально созданной Комиссии по торговле ценными бумагами и биржам наделялось широкими контрольными и регулирующими полномочиями, среди которых выделялись регистрация выпусков ценных бумаг, контроль над полнотой информации о деятельности эмитентов, подача в случае необходимости исковых заявлений в суд и представительство в нем интересов государства и общества. Данный закон просуществовал без изменений до 1964 г. [7, с. 379].

Принятый 20 марта 1933 г. Закон «Об экономии» сокращал расходы на содержание государственного аппарата на 500 млн долларов. В целях экономии были сокращены выплаты ветеранам и заработные платы государственным чиновникам [1, с. 395].

Особенно интересным и противоречивым был принятый 16 июня 1933 г. Национальный закон о восстановлении промышленности (НИРА). Со стороны государства практическое воплощение закона было поручено Национальной администрации по восстановлению промышленности во главе с Хью Джонсоном. Вся промышленность делилась на 17 групп, в каждой из них создавались кодексы «честной конкуренции» [2, с. 227]. На период выработки кодексов для каждой отрасли промышленности правительство предложило свой типовой образец кодекса, который мог быть применен к любой отрасли в качестве временной основы восстановления деловой активности [4, с. 37]. Все отрасли промышленности довольно быстро разработали соответствующие кодексы (всего было разработано и после утверждения главой государства введено в качестве обязательных 541 основной и 185 дополнительных кодексов, длительность которых была различной) [7, с. 379]. Предприятия, согласившиеся выполнять условия кодексов, получали право обозначать свой товар при помощи знака голубого орла. Правительство обращалось к соотечественникам с призывом покупать только эти изделия.

Разворачивалась массовая пропаганда товара со знаком, в результате чего соответствующие кодексы были приняты 85% делового мира [Там же]. В своем радиообращении от 22 октября 1933 г. Ф. Д. Рузвельт говорил о том, что «в огромном большинстве случаев и почти повсеместно НИРА получила безоговорочную поддержку. Но нам известно и о сопротивлении со стороны разных пройдох. Всякий раз, когда мы встречали критику и противодействие, выяснялось, что кто-то под этим прикрытием преследует эгоистические интересы, старается устроить свои темные делишки» [5, с. 39]. Пропаганда вынуждала руководителей предприятий принимать этот закон, чтобы оставаться на рынке. На фоне этого укреплялся черный рынок. Зачастую добиться выполнения норм можно было только самыми жестокими полицейскими методами.

Кодексы не были единообразными, но все же им были присущи общие черты. Так, например, предприятия, выпускающие один и тот же товар, договорились о минимальной цене на продукцию, для рабочих на предприятиях устанавливался минимальный размер заработной платы – в среднем не ниже 30–40 центов в час, что должно было улучшить покупательную способность работников. На этих же предприятиях устанавливалась максимальная продолжительность рабочей недели – в среднем от 35 до 40 часов. Сокращение рабочей недели по замыслу разработчиков должно было способствовать возникновению в промышленности новых рабочих мест и тем самым привести к сокращению безработицы.

Статья 7а Национального закона о восстановлении промышленности признавала право рабочих на образование профсоюзов и заключение с предприятиями коллективного договора об условиях труда. Законом также создавался механизм широкой помощи безработным. Закону НИРА суждено было недолго просуществовать, так как Верховный суд США прекратил его действие на основании решения о несоответствии Конституции страны.

По мнению профессора А. А. Кредера, в законе можно выделить несколько особенностей. Во-первых, это предоставление президенту действительно широких полномочий по регулированию промышленности. При этом конгресс крайне расплывчато сформулировал ее обязанности, не установив ни желаемых ориентиров восстановления экономики, ни желаемого объема сокращения безработицы. Во-вторых, его противоречивость. Закон предусматривал разработку «кодексов», регулирующих условия конкуренции. Всякое такое соглашение есть картельное соглашение. Но, с другой стороны, «монополистическая практика» объявлялась вне закона, а само картелирование должно было проходить под лозунгом восстановления «честной конкуренции». Противоречивость такого рода была не просто следствием спешки законодателей, она стала естественным результатом стремления к возможно более широкому политическому компромиссу, который был необходим для смягчения социальной напряженности [3, с. 26].

Закон вызвал неоднозначные оценки. В. В. Согрин упоминает, что положительные отзывы получили преимущественно положения социальной направленности. Так, статья 7а с самого начала вызвала восторженные оценки лидеров рабочего движения, однако на практике она игнорировалась многими предпринимателями, поскольку не обязывала их вступать в переговоры с профсоюзами. Согласно другой «социальной» статье – об организации общественных работ, на них было выделено 3,3 млрд долларов и впервые осуществлены масштабные меры по привлечению к трудовой деятельности безработных.

Закон НИРА приостановил для бизнеса действие антимонополистического закона. Крупные корпорации, которым на практике была предоставлена возможность определять правила «честной конкуренции», а самое главное, реально воплощать их в жизнь, не устояли перед соблазном навязывать свои условия, в первую очередь, в ценообразовании.

Один из ведущих ученых-историков профессор В. Л. Мальков в своей работе упоминает, что действие кодексов было неодинаковым по отношению к разным категориям рабочего класса. Там, где предприниматели шли на уступки одной категории рабочих, они стремились компенсировать это усилением эксплуатации другой [4, с. 37].

Данная мера борьбы с Депрессией, по сути, обнаружила неспособность крупного бизнеса добровольно возвысить общенациональные интересы над корпоративными даже в критический для капиталистической цивилизации период [Там же, с. 38].

Более критичную оценку закону НИРА дали Б. Д. Козенко и Г. Н. Севостьянов, указывая, что он привел к «вымыванию» мелких фирм, укреплению позиций трестов [2, с. 228].

Рассматривая первые меры по борьбе с Великой депрессией, нельзя не согласиться с Э. А. Иваняном, который указывал, что ни сам президент, ни его ближайшие помощники не имели сколько-нибудь конкретного плана действий. «Новый курс» представлял собой, по сути дела, комплекс отдельных, не всегда взаимосвязанных, иногда противоречивых и чуть ли не ежедневно выдвигающихся идей и предложений. Как правило, они наспех одобрялись Конгрессом, а затем закладывались в основу президентской программы. Сам термин «Новый курс» нес скорее пропагандистскую нагрузку, став своеобразной исторической вехой между гибельным старым и государственным курсом и политикой нового правительства [1, с. 395–396].

Подводя итог одной из первых законодательных попыток борьбы с Великой депрессией, можно сделать вывод, что основная масса решений принималась в чрезвычайной спешке, которая стала основной причиной незавершенности и непродуманности мер. Зачастую все нововведения создавались, в первую очередь, как помощь «забытому американцу», но как только они начинали исполняться, то становилось понятно, что основная помощь оказывалась крупному капиталу, а интересы «забытых американцев» оставались по-прежнему забытыми, сложившаяся обстановка все дальше отталкивала США от гражданского общества и правового государства как инструмента, используемого для обеспечения и защиты свободы, чести и достоинства личности, борьбы с бюрократией, местничеством и ведомственностью [6, с. 61]. Первые шаги «Нового курса» обличили его в том, что он не имеет под собой конкретного хорошо продуманного плана. Характер принимаемых мер скорее говорил о «Новом курсе» как о наборе принятых решений, в которых отсутствовала

какая-либо последовательная логика и которые были направлены на решение конкретных задач, нежели чем основной задачи по выходу из Депрессии. Но все же ошибочно рассуждать о начале «Нового курса» как о абсолютно провальном мере, к примеру, профессор В. Л. Мальков указывает, что почти вдвое, по сравнению с 1929 г., уменьшилось число банкротств промышленных компаний, число рабочих на автозаводах в Детройте намного возросло. Давка в торговых рядах напоминала дни рождественских праздников. Театры Бродвея вновь засветились огнями, и во многих из них спектакли прошли с аншлагом. И все же сомнения в устойчивости достигнутого прогресса оставались неизменным элементом общественного умянастроения [4, с. 40].

Список литературы

1. **Иванян Э. А.** История США. М.: Дрофа, 2006. 576 с.
2. **Козенко Б. Д., Севостьянов Г. Н.** История США: учебное пособие. Самара, 1994. 479 с.
3. **Кредер А. А.** Американская буржуазия и «Новый курс» 1933-1940. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. 198 с.
4. **Мальков В. Л.** Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии: историко-документальные очерки. М.: Мысль, 1988. 350 с.
5. **Рузвельт Ф. Д.** Беседы у камина. О кризисе, олигархах и войне. М.: Алгоритм, 2012. 350 с.
6. **Сальников В. П.** Советское правовое государство и юридическая наука // Советское государство и право. 1989. № 3. С. 53-62.
7. **Согрин В. В.** Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с.
8. **Уткин А. И.** Рузвельт. М.: Логос, 2000. 544 с.
9. **Badger A. J.** The New Deal. The Depression Years, 1933-1940. Chicago, 2002. 416 p.
10. **Freidel F.** Franklin D. Roosevelt: A Rendezvous with Destiny. Boston, 1990. 710 p.
11. <http://old.abai.kz/node/1240> (дата обращения: 10.02.2015).
12. **Rauchway E.** The Great Depression and the New Deal: a Very Short Introduction. Oxford University Press, 2008. 150 p.
13. **Schlesinger A. M., Jr.** The Age of Roosevelt. Boston, 1857-1960. 768 p.

**POLICY OF “NEW DEAL” OF FRANKLIN DELANO ROOSEVELT
AT THE BEGINNING OF THE GREAT DEPRESSION**

Gus'kov Dmitrii Nikolaevich

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University
gdn91@mail.ru*

The article considers the first and most controversial measures taken to combat the Great Depression in the sphere of money turnover and industry. The sequential logic of decisions made at the beginning of the implementation of the “New Deal” of Franklin D. Roosevelt is interpreted. The author reveals both positive and negative aspects of the measures taken to restore banking and industrial sectors at the initial stage of the policy of “New Deal”.

Key words and phrases: the Great Depression; banks; industry; National Industrial Recovery Act (NIRA); “New Deal”.

УДК 113

Философские науки

В статье на основании законов диалектики Гегеля рассматриваются закономерности циклического становления нового (неповторимого) бытия и устанавливаются общие циклические закономерности бытия и истории общества. В результате анализа определяющих событий (фактов) истории России обнаружены конкретные проявления установленных общих закономерностей, выявлена соответствующая им периодизация истории России, спрогнозированы даты (годы) наибольших качественных изменений бытия и истории общества.

Ключевые слова и фразы: бытие; диалектика; история общества; периодизация; прогнозирование событий (фактов).

Дашин Сергей Семёнович

*Алтайский государственный педагогический университет
kalash-sv@mail.ru*

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ БЫТИЯ И ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА®

Распад СССР и возврат его республик к капитализму доказали неосновательность исторического материализма основанного на идее прогрессивного формационного развития общества. Впрочем, на неосновательность идеи прогресса указал ещё К. Маркс [5, с. 91]. В настоящее время отсутствие общей социологической теории общепризнанно [6, с. 9-10], однако общие закономерности бытия и истории общества необходимые для её создания не установлены.

Цель исследования – установление и объяснение общих закономерностей бытия и истории общества на основании материалистической онтологии, законов диалектики Гегеля, физических и исторических знаний.